

Педагогическая публицистика и эссе

Эссе «Язык моих предков в современном мире» (язык духоборцев)

Директор школы, учитель русского
языка и литературы
МБОУ Хлебобобная СОШ № 5
Целинского района
Ростовской области
Мирошникова Оксана Васильевна

Язык моих предков... Для учителя русского языка и литературы, каким я являюсь, эта фраза — не просто красивая метафора. Это ежедневная реальность, в которой переплетаются академическая норма и живое, трепетное слово. Когда я переступаю порог школы в селе Хлебобобное, я словно оказываюсь на границе двух миров: стройного, выверенного литературного языка и удивительного, самобытного говора духоборцев — народа, чья история стала историей моей малой родины.

Духоборы — это не просто этнографическая группа, это уникальное явление русской культуры. Их предки, духовные христиане, в XVIII веке бросили вызов официальной церкви и государству, за что были названы «духоборцами». Гонимые, они прошли через невероятные испытания: ссылки в Таврическую губернию, а затем, в 1841–1845 годах, переселение на Кавказ, в суровую Джавахетию. В 1922 году их потомки, наши старики, нашли приют в целинных донских степях, основав хутора Веригина и Чистякова, которые позже слились в село Хлебобобное. Они принесли сюда не только свою веру, но и свой язык — живой, устный, не признающий книжных догм, как не признавали они и «мертвой буквы» писания.

Этот язык — особая гордость и боль. Духоборческая культура принципиально устная. Их «Животная книга» — не переплетенный том, а псалмы и легенды, столетиями передававшиеся из уст в уста, от сердца к сердцу. Этот язык впитал в себя южнорусские корни, церковнославянскую лексику псалмов и даже элементы украинского и кавказских языков. В нем сохранились удивительные слова-этнографизмы, которые невозможно перевести на литературный язык без потери смысла, потому что они — плоть от плоти их быта, их веры, их особого мира.

Как учитель русского языка и литературы, я вижу в этом невероятное богатство и одновременно огромную ответственность. Мои ученики — правнуки тех самых переселенцев. Для них слово «духоборцы» — не термин из учебника, а ответ на вопрос «кто мы?». На школьных уроках и в музее мы вместе собираем по крупицам то, что еще можно спасти. Старожилы, наши

бабушки, все еще поют древние псалмы, в которых «Пение псалмов — душам нашим украшение... человека просвещает, чувства отверзает, всякое зло убивает». Этот язык — не просто средство общения. Для духовора это способ богообщения, способ сохранить свою душу.

И все же тревога не покидает меня. Глобализация и урбанизация неумолимы. Как и во всем мире, диалект духоворов, их уникальный говор, находится на грани исчезновения. Уходят старики, а вместе с ними — целые пласты культуры. Молодежь, даже та, что остается в селе, все чаще говорит на усредненном, «телевизионном» русском языке. Исчезают не просто слова, исчезает особая картина мира, где вера, быт и язык были единым целым.

Что можем сделать мы, учителя? Я вижу свой долг в том, чтобы не дать этому огню угаснуть. Уроки литературы — это не только Пушкин и Толстой, это еще и живые голоса наших бабушек. Внеклассное чтение — это не только современные авторы, но и тетради с записями псалмов, которые мы бережно храним в школьном музее. Мы учим детей не просто правильно писать и говорить, но и слышать — слышать музыку родного говора, понимать его глубину. Мы показываем им, что «гэканье» и «шоканье» донского говора — это не «неправильность», а живая история их предков.

Язык моих предков... Он не должен стать лишь музейным экспонатом. Пока звучат псалмы в хлебобобовых домах, пока бабушки повязывают по-особому платки, пока дети с интересом слушают рассказы о «второй Сибири» и землянках в лесу, у этого языка есть будущее. Моя задача как учителя — стать мостом между прошлым и настоящим, помочь моим ученикам осознать себя наследниками не только великой русской литературы, но и этой уникальной, поющей, устной традиции. И тогда в их душах, как в тех древних псалмах, будет гореть тот самый внутренний Огонь Жизни, который духоворы пронесли через века.